

СТАТЬИ

УДК 811.161.1'373.21 + 39 (=161.1)

Л. Н. Мазур

ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА В НАЗВАНИЯХ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ*

Ключевые слова: русский язык, ойконимия, модернизация, названия населенных мест как исторический источник, история России XX в., характер и причины переименований поселений.

Статья посвящена изучению названий поселений как исторического источника, отражающего историю российского общества в XX в. Массовые переименования стали проявлением глубоких социальных и ментальных преобразований в обществе в результате революции, утверждения культа личности, коллективизации и индустриализации. Помимо политико-идеологических факторов на изменение названий сел и деревень значительное влияние оказало новое восприятие сельской местности, сложившееся под влиянием урбанизации. В статье предложена периодизация процесса трансформации ойконимикона, а также рассмотрены основные причины переименований и общие результаты этого процесса.

Географические названия являются ценнейшим источником, позволяющим приблизиться к пониманию культуры народа и особенностей его исторического развития. По справедливому замечанию Г. М. Керта, топонимы как часть окружающей культурной среды народа отражают его мироощущение, миропонимание и мироконструирование [Керт, 2001, 52]. Названия природных географических объектов — гор, рек, озер, болот и т. д. — можно отнести к внешнему

---

* Тема поддержана грантом РГНФ 08-01-00418а «Урбанизация российской деревни в конце XIX — XX в. в контексте государственной политики (по материалам Урала)».

семантическому кругу сознания человека, влияние которого не ограничивается только функциями маркировки географического пространства, освоенного в большей или меньшей степени, а является отражением уровня его познания и понимания.

Среди топонимов особое место занимают ойконимы — названия населенных пунктов. В отличие от других видов топонимов имена поселений связаны преимущественно с социальной практикой людей и тем самым оказываются максимально приближены к его частной жизни, являясь важнейшим элементом ближайшего, почти «домашнего» окружения.

Следует подчеркнуть информационные и социальные функции ойконимов. Они не просто обозначают объект, они несут информацию об истории, типе поселения, занятиях населения и его этнических корнях, указывают, кому оно принадлежит. Очень важна функция адресации, позволяющая поддерживать устойчивые социальные связи и контакты. Именно поэтому в основе ойконимов лежат либо местные гидронимы и оронимы, что облегчает ориентацию на местности, либо антропонимы.

Топонимы — достаточно устойчивая часть языка, которая формируется в условиях традиционной культуры и является отражением прежде всего ее национальных особенностей. В традиционном обществе действуют свои механизмы именования, преимущества и особенностей корректировки топонимов. Наиболее устойчивы гидронимы и оронимы, их переименование — явление исключительное, связанное с глобальными историческими процессами — переселением народов, великими географическими открытиями. Названия населенных пунктов более динамичны, изменчивы и максимально приближены к локальным конкретно-историческим процессам и событиям.

Эволюция топонимической карты расселения имеет свои закономерности. К числу наиболее ранних относятся поселения, названия которых отражают физико-географические особенности местности. Типичный вариант именования основан на использовании названий расположенных рядом рек, озер. К примеру, один из крупнейших городов Среднего Урала — *Нижний Тагил* — получил свое название по местоположению на реке *Тагил*, как и села *Таборы*, *Манчаж*, города *Сухой Лог*, *Тавда* и мн. др.

Немало названий, имеющих этническое происхождение, — это уже более поздний слой ойконимов, отражающий процессы взаимодействия разных народов и связанный с миграциями. Так, например, д. *Сызги* (Красноуфимский р-н Свердловской обл.) получила свое имя от названия башкирского племени *сызги* [Матвеев, 2000, 265].

Однако чаще других среди сельских ойконимов встречаются названия, имеющие отантропонимическое происхождение. По подсчетам специалистов, до 70 % названий русских сел и деревень образованы от антропонимов [см.: Андреев, 2005]. Причем в названиях поселений в равной степени могут участво-

вать разные их виды: имена, отчества, фамилии и прозвища. Более раннее происхождение имеют, как правило, поселения, в названии которых присутствует имя или прозвище, позднее появляются населенные пункты, обозначенные по фамилии первопоселенцев. Так, например, деревня *Сутормина* (Туринский р-н Свердловской обл.) получила свое название от русского имени *Суторма*. В основе названия деревни *Старобухарово* (Нижнесергинский р-н Свердловской обл.) лежит башкирско-татарский антропоним (в документе 1765 г. упоминается д. *Бухарова* Айминской волости Челябинского уезда и сотник *Бухар Аяззов*) [Матвеев, 2000, 259, 263].

По доминированию того или иного типа ойконимов (образованные от географических названий или отантропонимические) можно судить о степени освоенности территории: когда начинают преобладать образования от антропонимов, можно говорить о формировании обжитого пространства с тесными соседскими связями и отношениями. На Урале, где колонизация начинается с XV–XVI вв., прослеживается именно такая закономерность: названия наиболее старых поселений, как правило, мотивированы природно-географическими характеристиками, населенные пункты с отантропонимическими названиями появляются чуть позднее, в XVII–XIX вв. К этому же времени относится и возникновение поселений, в наименованиях которых отражен характер занятий населения: к примеру, с. *Рудное* (Пермская губерния) возникло в 1631 г. в связи с разработкой месторождения руды.

Итак, ойконимы формируют образ местности, в котором в зависимости от стадии расселения и эпохи запечатлеваются знакомые человеку приметы. Практически за каждым именем населенного пункта стоит легенда, поясняющая и закрепляющая его в сознании людей как социальный факт. Ойконим несет в себе элемент сакральности, и в силу подобного отношения к имени в традиционном обществе наблюдается относительная стабильность ойконимов, хотя переименования не исключались и были связаны в большинстве случаев с естественной эволюцией поселения, изменением его статуса и роли в системе расселения.

Причиной переименования часто могло быть строительство храма. Такой обычай возник еще в XV в. и способствовал появлению сел и деревень с названиями *Рождественское*, *Вознесенское*, *Богородское* и т. п., которые можно найти на любой губернской карте. В Пермской губернии в 1909 г. по 5 уездам (Верхотурскому, Красноуфимскому, Екатеринбургскому, Камышловскому, Ирбитскому) насчитывалось три села с названием *Покровское*, два *Никольских*, два *Петропавловских*, три деревни *Воскресенская*, три села с названием *Троицкое* и т. д. Многие из них имели более раннее название, замененное в связи со строительством храма. Так, например, с. *Троицкое* Екатеринбургского уезда называлось *Карасий Исток*, а д. *Воскресенская* имела второе имя *Клепинина*, с. *Богородское* Красноуфимского уезда обозначалось также как *Арийское* (по названию реки) [СНМ ПГ, 1909].

В дореволюционной России известны примеры переименований, связанные с политическими причинами, но они единичны. Среди наиболее известных фактов обычно упоминается указ Екатерины II, которая в 1775 г. повелела переименовать реку *Яик* в *Урал*, а *Яицкий городок* в *Уральск* «для предания... полному забвению» событий, связанных с восстанием Пугачева.

Отношение к имени и подход к переименованию кардинальным образом меняются в XX в., особенно в советский период. Трансформация ойконимикона была не единовременным явлением, а протекала в течение всего века, отражая не только смену в стране политического и социально-экономического строя, но и отдельные этапы советской истории. В результате к концу XX в. мы имеем в значительной степени обновленный список населенных мест, в котором порой с трудом можно найти старые имена, а еще сложнее проследить их преемственность, так как топонимические волны перекрывали одна другую, формируя исторические напластования ойконимов, отражающих особенности эпохи.

В XX в. выделяются два крупных периода, связанных с пересмотром сложившегося списка населенных мест, — это 1914–1958 гг. и 1959–1990-е гг. В первой половине XX в. изменение названий охватило преимущественно городское и внутригородское пространство, а в качестве причин переименования преобладали политические и идеологические. Во второй половине XX в. этот процесс развернулся в полную силу в сельской местности, изменились и причины, среди которых стали превалировать связанные с общими глобальными переменами, в том числе с урбанизацией. В рамках каждого из периодов выделяются волны переименований продолжительностью в 10–12 лет, которые непрерывно накрывали советское общество, оставляя заметный след в языке, уничтожая старые названия и создавая новые.

В публикациях, посвященных изучению топонимов XX в., подчеркивается: 1) существенная роль государства в процессах именования и переименования населенных мест, связанная с формированием централизованной системы регистрации и учета поселений; 2) значительные мировоззренческие и ментальные сдвиги в обществе. Последнее обстоятельство в значительной степени является следствием революционных преобразований и связано с потребностью общества привести в соответствие свои социальные ожидания с системой обозначений и образов, которая представлена в названиях населенных мест. Стремление к новой жизни сопровождалось пересмотром символической маркировки окружающего пространства. Поэтому реформы языка и кампании по переименованию учреждений, должностей, улиц, площадей, поселений, городов, областей и районов следует рассматривать как взаимосвязанный процесс, в котором слились идеологические интересы власти и социальные ожидания общества.

Подчеркнем все же, что потребность в изменении топонимов стала ощущаться в российском обществе еще до Октябрьского переворота, поэтому было бы не вполне правильно соотносить эпоху переименований только с революцией.

Немаловажным фактором, на наш взгляд, становятся модернизационные процессы, охватившие российское общество в конце XIX — начале XX в.

Толчком к переменам послужили события Первой мировой войны, когда под влиянием антинемецких настроений столица империи была переименована в *Петроград*, а затем последовали и другие замены «враждебных» названий. События февраля 1917 г. получили отражение в названиях улиц и площадей городов и сначала не затронули уровень сельских поселений.

Более мощная волна переименований приходится на 1920-е гг. и разворачивается после окончания Гражданской войны. Особая роль в этом процессе отводилась увековечению имени Ленина, которое стало одной из наиболее употребляемых основ для формирования ойконимов советского периода. На территории Среднего Урала в 1920–1930-е гг. насчитывалось 14 населенных пунктов, в названиях которых использовалось имя советского вождя¹.

В 1920-е гг. переименования в большей степени затронули города и внутригородское пространство: улицы и площади получали имена лидеров революционного движения и Гражданской войны, названия, связанные с символикой пролетарского движения и социалистическими идеями.

Процесс переименования населенных мест был тесно связан с упорядочением административно-территориального деления молодого советского государства и созданием новой системы учета и регистрации населенных пунктов. Согласно Декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 30 августа 1926 г., регистрация и учет поселений были возложены на административные отделы областных и губернских исполнительных комитетов и народные комиссариаты внутренних дел автономных республик [Декрет., 1926]. В результате происходит смена механизмов именованья населенных мест. Если ранее присвоение имени поселению, как правило, было результатом самоназвания, принятого окружающим сообществом и впоследствии зарегистрированного административными органами, то в советский период власть стала инициатором и во многих случаях автором названий, которые сначала официально утверждались, а уже потом становились известны населению.

Переименованиями в 1920-е гг. были охвачены прежде всего крупные города. По данным Г. М. Лаппо, за годы советской власти свои названия сменили почти 400 городов РСФСР, в том числе около половины городов-миллионеров, 40 % крупнейших, 20 % крупных и больших и только 8–9 % малых и средних городов [Лаппо, 2004].

В числе первых были изменены названия городов, связанные с именами членов царской семьи: еще в 1918 г. *Николаевск* по предложению Чапаева был

---

¹ Подсчитано по данным Информационно-справочной системы «Города и села Свердловской области в XX веке» [см. подробнее: Мазур, Бродская, 2006, 168–183].

переименован в *Пугачёв*. Несколько позднее, в 1920 г., *Екатеринодар* стал *Краснодаром*, в 1921 г. *Романов-на-Мурмане* — *Мурманском*. *Екатеринбург* был переименован в *Свердловск* в 1924 г. Перечень примеров можно продолжить, и он весьма показателен, так как переименования затронули преимущественно губернские и областные центры и отразились на номенклатуре административно-территориальных единиц.

В сельской местности революционные названия получали преимущественно новообразования — поселки, хутора, выселки, возникавшие в 1920-е гг. в результате расселения крупных деревень, организации колхозов и совхозов, промышленного и лесохозяйственного строительства. В Списках населенных пунктов Уральской области 1928 г. во множестве встречаются поселения с названиями *Беднота*, *Пролетарский*, *Батракова*. Особенно популярным было название *Первомайский* (12 населенных пунктов в 5 округах Уралобласти). Широко использовалось прилагательное *красный* — *Красный Борец*, *Красный Горняк*, *Красный Луч*, *Красный Маяк* и пр. [см.: СНП УО, 1928].

Любопытно, что новые названия получали преимущественно сельскохозяйственные поселения. Промышленные, транспортные, лесохозяйственные поселки часто не имели их совсем и обозначались в списках как производственные объекты: пос. *Мельница № 3*, *Мельница № 4* и т. д., *Бревенчатый элеватор*, *Метеогорка*, *Будка 13 км*, *87 км* и т. д. В целом регулирование процесса присвоения имен сельским поселениям (в отличие от городов) в 1920–1930-е гг. было организовано плохо и административные органы этим серьезно не занимались.

В 1930-е гг. страну накрыла очередная волна переименований, вновь захлестнувшая преимущественно города, а в сельской местности отразившаяся на формировании параллельной системы наименований. Речь идет о создании колхозов и совхозов на месте бывших сельских обществ и превращении их в основную хозяйственную единицу.

Колхозы стали именоваться в честь вождей революции, съездов и конференций партии, годовщин революционных событий. Особую группу составляли хозяйства, носившие имена с позитивно заряженными «революционными» образами — *Заря*, *Восход*, *Светлый путь*, *Победа* и т. д. С этого времени во всех учетных документах на первом месте находились списки колхозов, МТС и совхозов, а в качестве дополнений шли перечни населенных мест. Подмена сельских поселений колхозами и совхозами шла не только на официальном, но и на бытовом уровне. Особенно рельефно это проявилось на этапе становления и развития колхозного строя, реализующего модель «колхоз — деревня».

Расширение списка и изменения в названиях населенных мест в 1930-е гг. связаны с рядом новых факторов — это утверждение культа личности, а также индустриализация и, соответственно, вступление страны в стадию урбанизации, рост числа городов. Стремление дать новым городам «социалистические» имена, тем самым отделив их от прошлого, было обоюдным, поддержанным влас-

тью и значительной частью общества, прежде всего молодежью. В этой связи весьма показательны письма пионеров М. И. Калинину, отразившее общий настрой молодого поколения страны Советов:

«Михаил Иванович, мы были бы рады, если бы Вы исполнили нашу маленькую просьбу. За это мы будем учиться на отлично. Эта просьба совсем маленькая. Столица цветущей Украины г. Киев носит некрасивое имя, между прочим когда сам город очень красивый, а имеет такое название. Мы просим переименовать его в более грозное и привлекательное имя. Значит, город Киев и Киевскую область переименовать в город «Неаполь» и «Неаполитанскую область». Михаил Иванович город Неаполь есть в Италии. Но это ничего не стоит переименовать Киев... Просим не отказать в нашей просьбе. Ведь хорошо было бы, если столица Украины была город Неаполь. Еще Михаил Иванович просим переименовать город Тбилиси в «Тибилон», а Петрозаводск на имя германского вождя Тельмана. Столицу Казахстана город Алма-Ата в Джамбул. Хотя есть город Джамбул, но его можно переименовать в другое имя. Ташкент в Ленинабад. А Ленинабад в Таджикистане переименовать в Молотобад. А Ашхабад в Советский Багдад» [ГАРФ, ф. 7523, оп. 11, д. 233, л. 20]².

Центральные исполнительные и законодательные органы были завалены письмами пионеров, комсомольцев, трудящихся, внесивших свои предложения по переименованию городов и селений [см.: ГАРФ, ф. 7523, оп. 11, д. 233, л. 20]. ЦИК СССР пришлось подготовить специальное письмо, в котором указывалось, что переименование может иметь место только в исключительных случаях, имеющих политическое значение [ГАОО, ф. 1014, оп. 8, д. 1, л. 1]. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1936 г. был установлен новый порядок принятия решений о переименовании населенных мест: СНК СССР рассматривает предложения по объектам союзного подчинения, СНК республик — по населенным местам республиканского значения [ГАРФ, ф. 7523, оп. 10, д. 204, л. 3].

Усиление централизации в решении подобных вопросов не могло не отразиться на процедурах переименования, приобретших в условиях формирования тоталитарного строя вполне определенный характер. Наиболее популярным вариантом переименования стало присвоение областям, районам, городам, предприятиям, не говоря уже об улицах и площадях, имен партийных и советских руководителей, а также героев-революционеров. Если в 1920-е гг. такие решения принимались с целью увековечения памяти политической и революционной элиты, то в 1930-е гг. они стали доказательством преданности и любви к вождям. В условиях развертывания массовых репрессий это было чревато последствиями. Так, например, *Надеждинск* (первоначально — *Надеждинский завод*), расположенный на Северном Урале и ставший городом в 1926 г., был переименован в 1934 г. в *Кабаковск* по имени тогдашнего первого секретаря обкома партии. После того как И. Д. Кабакова репрессировали, город вновь стал *Надеждинском*.

² Текст письма приводится с сохранением стиля, орфографии и пунктуации.

А через два года, в 1939 г., был назван *Серовом* в честь летчика-героя Анатолия Серова.

Практически все областные центры Урала и прилегающих территорий оказались «жертвами» кампании по переименованию. 5 декабря 1934 г. постановлением ВЦИК *Вятка* была переименована в *Киров*. В 1938 г., когда погиб Валерий Чкалов, *Оренбург* стал носить его имя, хотя сам летчик ни разу сюда не приезжал. Область, соответственно, стала называться *Чкаловской*. В марте 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР *Пермь* была переименована в *Молотов*, *Пермская* область — в *Молотовскую* [ГАРФ, ф. 7523, оп. 11, д. 212]. Подобная судьба едва не постигла Челябинск, где в конце 1930-х гг. обсуждался вопрос о переименовании его в честь Сталина. Предлагались разные варианты: *Коба*, *Сталин*, *Сталинград*, *Сталино*, *Сталиногорск*, *Сталинск*, *Сталинабад*, *Сталинири* [Лаппо, 2004].

Тиражирование имен руководителей правительства в названиях административно-территориальных единиц и населенных пунктов приводило к региональному и национальному обезличиванию территории. По подсчетам В. П. Андреева, в городах РСФСР в 1939 г. насчитывалось 4 *Ждановских* и *Свердловских* района, 6 — *Ворошиловских*, 7 — *Орджоникидзевских*, 9 — *Кагановичских*, по 12 — *Кировских*, *Куйбышевских* и *Молотовских*, 27 — *Сталинских* [Андреев, 2005]. По частоте встречаемости имен советских лидеров на карте страны можно судить об их политическом рейтинге.

К 1940 г. был обновлен список как крупных, так и средних и мелких российских городов, которые в условиях социалистического строительства и индустриализации приобрели не только новый облик, но и новое имя. Существенно выросла доля городов и рабочих поселков, порожденных и преобразенных индустриализацией с соответствующими названиями — *Асбест*, *Цементный*, *Рудничный*, *Нефтекамск*, *Горнозаводск*, *Копейск*, *Медногорск*, *Магнитогорск* и т. п.

В сравнении с городами факты переименования сельских поселений в 1930-е гг. были немногочисленными и связаны с политическими и идеологическими (антирелигиозными) причинами. Так, например, в Оренбургской обл. по ходатайству пионеров в 1935 г. село *Тимашево* было переименовано в пос. *Хлебороб* в связи с тем, что было названо именем помещика [ГАОО, ф. 1014, оп. 1, д. 3, л. 84]. В 1938 г. в Молотовской обл. принято решение о переименовании села *Каширино*. До 1918 г. оно называлось *Рождественское*, в годы Гражданской войны ему было дано новое имя в честь командира Красной армии Каширина. Однако, когда в 1938 г. Каширин был арестован как враг народа, Каширинский сельсовет выступил с ходатайством о переименовании сельсовета, а также села и колхоза в честь А. С. Пушкина [ГАПК, ф. 564, оп. 3, д. 2895, л. 28, 31]. В Свердловской обл. указом от 27 декабря 1940 г. село *Гробо* Нижне-Сергинского р-на стало называться *Первомайским* [ГАРФ, ф. 7523, оп. 11, д. 216]. Характерно, что просьбы о переименовании деревень в этот период часто отклонялись [Там же].

В 1940-е гг. новая волна переименований была связана с депортациями и захлестнула преимущественно сельскую местность. Начало было положено Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) о переселении немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской обл. от 26 августа 1941 г. В 1943 г. 12 октября был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Карачаевской АО и об административном устройстве ее территории».

В 1944 г. настала очередь чеченцев и ингушей, обвиненных в предательстве и измене Родине. Чтобы стереть с географической карты память об этих народах, 19 июня 1944 г. Грозненский обком ВКП(б) принял решение о переименовании районов, районных центров и населенных пунктов области. В ходе кампании село *Средний Калаус* стало *Красноармейским*, *Новый Юрт* — *Виноградовкой*, *Старый Юрт* — *Толстово* и т. д. В общей сложности были изменены названия 73 сельсоветов и 80 населенных пунктов. Принцип присвоения новых имен был ориентирован на «местные географические названия» [ГАРФ, ф. 7523, оп. 16, д. 166, л. 76, 84]. Вслед за Чечено-Ингушской АССР в 1944 г. подобная участь постигла Кабардино-Балкарскую АССР [Щербатая]. В числе депортированных народов оказались месхетинские турки, выселенные из Грузии в Среднюю Азию, а также крымские татары. Во всех случаях выселение сопровождалось изменением топонимии территории с целью формирования новой исторической памяти переселенцев, размещенных на опустевшем месте.

Особую страницу в летопись переименований вписывает освоение территорий, завоеванных СССР в годы Второй мировой войны. В частности, на Сахалине указом от 15 октября 1947 г. названия 363 населенных пунктов были изменены с японских на русские. Так, д. *Накакиро* стала называться *Верхнереченской*, *Асахи* — *Подгорной*, *Мороцу* — *Каменкой* и т. д. [ГАРФ, ф. 7523, оп. 39, д. 276, л. 5–10].

Одной из последних волн переименований стала кампания 1957 г., связанная с преодолением последствий культа личности, когда были приняты решения о замене названий городов, областей, районов, названных в честь Сталина, Молотова, Кагановича и других деятелей сталинской эпохи. При этом для ряда топонимов стало возможным возвращение исторических имен. Так, *Молотовская* область 2 октября 1957 г. вновь стала *Пермской* [ГАРФ, ф. 7523, оп. 75, д. 483, л. 38, 45, 54, 56], а указом от 4 декабря 1957 г. было возвращено историческое имя Оренбургу и Оренбургской области [Там же, л. 141].

Отметим, что Указом Президиума Верховного совета СССР 1957 г. были регламентированы вопросы наименования населенных пунктов [Указ..., 1957]. В частности, были определены полномочия органов власти в присвоении имен выдающихся людей, а также общие процедуры. В 1968 г. были приняты дополнения, несколько упрощавшие присвоение имен государственных и общественных деятелей улицам, площадям и другим составным частям населенных пунктов [Указ..., 1968]. Этот указ во многом определил новые тенденции именования

населенных мест. Использование антропонимов с этого времени разрешалось только в исключительных случаях для увековечения памяти государственных лидеров. Так, например, в 1984 г. *Ижевск* стал *Устиновым*.

Вслед за переименованием городов и областей пришел черед реформ в вопросах учета и именовании сельских населенных мест. При подготовке к переписи 1959 г. было обращено внимание на ситуацию с административным учетом сельских поселений. Ни в центре, ни на местах точных данных о количестве и административной принадлежности сел и деревень не было. Многие селения были разрушены во время войны и не восстановлены. В послевоенное десятилетие появились сотни новых населенных пунктов промышленного, транспортного, лесохозяйственного назначения. Все они, как правило, не имели собственного имени и обозначались как производственные объекты. К ним добавились сельскохозяйственные поселения, возникшие в результате освоения целинных и залежных земель. В целом к концу 1950-х гг. топонимическая картина сельской местности была очень запутанной.

В конце 1950-х гг. начинается новый этап переименований, охвативших преимущественно сельскую местность. Областные исполнительные комитеты повсеместно начали проводить работу по перерегистрации населенных мест, попутно внося предложения о переименованиях. Эти ходатайства рассматривались в Верховном Совете СССР и превращались в указы, выходявшие десятками по всем регионам страны. И если сначала переименования еще обосновывались необходимостью расстаться с образами старого мира — именами помещиков и кулаков, религиозными и классовыми символами, то в 1960-е гг. достаточным основанием для изменения названия стала неблагозвучность, «оскорбительность» имени, несоответствие его образу социалистической деревни.

Так, например, указом от 8 января 1958 г. «О переименовании некоторых населенных пунктов Александровского района Оренбургской области» пос. *Плешаново* был переименован в пос. *Малые Горки*; *Хутор 2-ой Холодовский* в пос. *Зеленая роща*; *Хутор 4-й Холодовский* в пос. *Подгорный*; *хутор 5-й Холодовский* в пос. *Крымский* (на хуторе проживало население, переселившееся из Крыма); *хутор 6-й Холодовский* в пос. *Заречный*; *хутор 7-й Холодовский* в пос. *Буранный*. Все эти хутора возникли как отделения целинного совхоза и первоначально приняли на себя имена деревень, появившихся ранее. Необходимость переименования мотивировалась тем, что названия поселков происходят от фамилий бывших местных помещиков Плешанова и Холодовского [ГАРФ, ф. 7523, оп. 75, д. 529, л. 16], — еще слышны отголоски сталинского времени.

В Пермской обл. в начале 1960-х гг. было переименовано более 200 населенных пунктов, которые назывались по производственным объектам, например пос. *База*, пос. *Подстанция*, хутор *Радиорубка* и др. [ГАПК, ф. 564, оп. 3, д. 3078, л. 2]. В Свердловской обл. количество таких поселений превысило 100, в Оренбургской — 280 [ГАРФ, ф. 7523, оп. 78, д. 702, л. 34].

Среди законодательных документов этого периода выделяется Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1962 г. «Об упорядочении регистрации, наименования и учета населенных пунктов РСФСР» [Указ..., 1962], закрепивший новые принципы наименования и переименования населенных мест, а также процедурные моменты. В частности, предлагалось поселению присваивать имя, исходя из географических, исторических, национальных, а также местных природных условий. Этот подход в известной мере напоминает традиционные способы именования поселений, но в более упрощенном и стерилизованном виде. «Учет местных природных условий» на практике сводился к тиражированию типовых названий — *Полевое, Привольное, Луговое, Заречное, Ключи* и т. п.

Указ стал сигналом к разворачиванию массовой кампании по переименованию сельских населенных мест, охватившей всю страну. В общей сложности на протяжении только 1962 г. в РСФСР было переименовано 260 населенных пунктов. Так, например, в Оренбургской обл. были проведены следующие замены: в Соль-Илецком р-не с. *Дурнеевка* было переименовано в с. *Дружба*; с. *Мертвецовка* — в с. *Трудовое*; с. *Мертвые соли* — в с. *Боевая Гора*. Поселки целинных совхозов, называвшиеся ранее просто *Отделение*, получили новые имена — *Луговое, Песчаное, Степное, Гостеприимное*, пос. *Целинный* и пр. [ГАРФ, ф. 7523, оп. 78, д. 733].

В Пермской обл. переименования охватили преимущественно поселения, имевшие «обидные» имена: в Большесосновском р-не две деревни с названием *Лежебоки* получили новые имена — *Заречная* и *Ключи*. В Оханском р-не д. *Убиенная* стала называться *Березники*, в Осинском р-не д. *Тюремка* — *Красная Горка*, д. *Гиблая* — *Сосновый Бор*, д. *Пизьма* — *Прикамье*, д. *Поганиха* — *Логовая*, д. *Оплетай* — *Березовка* [ГАРФ, ф. 7523, оп. 78, д. 733]. В Свердловской обл. в 1962 г. 19 сельских поселений потеряли свои исторические имена, среди которых были очень выразительные: д. *Забегалово* и *Лягушино* (Артемовский р-н), пос. *Смехуновка* (Красноуральский р-н), д. *Погорелово* (Красноуфимский р-н), пос. *Шаманиха*, д. *Обжорино* (Невьянский р-н), д. *Балагур* (Туринский р-н) [Там же].

В 1964 г. в дополнение к указу 1962 г. были приняты сначала постановление Президиума Верховного Совета СССР, а чуть позднее постановление Президиума Верховного Совета РСФСР, регламентирующие порядок наименования и переименования административно-территориальных единиц [Постановление..., 1965]. В центре внимания этих документов оказались вопросы, связанные с наличием одноименных поселений в границах территориальных единиц. Была продолжена кампания, направленная против некрасивых и чуждых имен. В этот период сотни поселений с названиями *Холоповка, Лапоть, Батраки, Грязевка* получили более красивые, но безликие имена.

Только в 1966 г. в РСФСР было переименовано около 900 населенных пунктов [ГАРФ, ф. 7523, оп. 83, д. 909, л. 99; ф. 7523, оп. 101, д. 661, л. 82]. В Оренбургской

области указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 07.10.1966 г. были утверждены новые названия по 215 поселениям. В 1964–1966 г. Курганский облисполком переименовал 98 поселений [ГАРФ, ф. 385, оп. 17, д. 45926, л. 18]. В Свердловской обл. в 1966 г. 102 населенных пункта стали называться по-новому: большинство получили новое имя, исходя из местных природных условий; 8 населенных пунктов были названы с учетом основной деятельности (пос. *Лечебный, Школьный, Дорожный*), 4 — по производственным объектам (пос. *Совхозный, Синарский, Красный Маяк, Луч*). Два последних населенных пункта получили название по имени первых сельхозкоммун, образованных в этих местах. Восемь населенных пунктов получили произвольные имена — пос. *Растущий, Восход, Лазоревый* и пр. [ГАРФ, ф. 385, оп. 17, д. 4324].

В результате складывается новая топонимическая карта сельской местности, в которой традиционные названия стали вытесняться новыми — красивыми, но безликими. Новые имена стали отражением нового восприятия деревни, которое сформировалось в обществе в условиях урбанизационного перехода. В них, с одной стороны, проявилось противопоставление городскому образу, а с другой, усиленно использовалась советская символика.

В 1970-е гг. волна переименований спадает. В это время все силы и внимание властей были направлены на оптимизацию сельского расселения за счет сселения неперспективных деревень и благоустройства крупных поселений. Однако к началу 1980-х гг., когда провал политики реконструкции сельской местности за счет ее укрупнения стал очевидным, наблюдается новый всплеск переименований, затронувший в большей степени регионы, где программа сселения малых деревень по каким-то причинам не была реализована.

В 1980-е гг. формируется новая тенденция возврата к историческим названиям поселений. Иногда это была попытка возвращения старого имени новым поселениям. Так, например, в Ростовской обл. в 1987 г. были переименованы 147 населенных пунктов, в том числе пять новых поселений получили названия, которые носили населенные пункты, исключенные из регистрационных списков в 1960-е гг., — это пос. *Клиновой* и *Шаповаловка* [ГАРФ, ф. 385, оп. 17, д. 4910–4911]. В Удмуртской АССР в 1989 г. были приняты решения о переименовании двух населенных пунктов, которым были даны исторически сложившиеся названия, используемые населением в качестве альтернативных. Официальные названия — *Ныши-Какси* и *Яги-Какси* — они получили еще в XIX в., однако местные жители продолжали пользоваться неофициальными названиями — *Большие Сибь* и *Малые Сибь* [ГАРФ, ф. 385, оп. 17, д. 5047, л. 7].

С распадом СССР тенденция возврата к историческим именам проявилась с особой силой и привела к новым переименованиям, затронув в первую очередь города. Свои исторические названия вернули Свердловск, Ленинград, Куйбышев и другие областные центры, став отражением стремления общества уйти от советского прошлого. Сработал тот же механизм, что и в 1920–1930-е гг., когда

смена имени символизировала новую жизнь и новое общество. Социально-экономический и политический кризис 1990-х гг. приостановил дорогостоящую процедуру переименования, поэтому не все подобные проекты, инициированные преимущественно снизу, были реализованы.

Однако это не означает, что волна переименований не достигнет нас снова. За последние сто лет смена ойконимов стала обычным и даже обыденным делом для российской власти и общества. Игра в имена стала своего рода защитным механизмом, позволяющим бывшему советскому человеку принимать желаемое за действительное и примиряться с ним. В этом также проявляется сакральность отношения к имени и специфика российского менталитета. Свои идеологические интересы есть и у современной власти. Поскольку запрет на смену имени давно снят в нашем сознании, то использование переименований для манипулирования общественным сознанием остается очень удобным и привлекательным способом управления.

Что касается сельской топонимии новейшего времени, то следует подчеркнуть ее коренные отличия от системы наименований, существовавшей в России в дореволюционный период. За последние сто лет произошло очевидное изменение словаря и семантики ойконимов, которые в большей степени стали отражать новую систему ценностей и представлений, свойственную урбанизированному индустриальному обществу. В ней подчеркивается специфика сельской местности, ее природно-экологическая сторона. Если в традиционном обществе в системе ойконимов, как сельских, так и городских, присутствовало социально-этническое и антропонимическое начало, то в новой системе наименований сельских поселений оно практически отсутствует и на первый план выходит «пасторально-абстрактное» восприятие сельской местности как особой природной зоны. При этом происходит нивелирование региональных, национальных особенностей, а маркировка социального пространства приобретает внеисторическое звучание.

Андреев В. П. Топонимика и идеология в Советской России (1917–1941 гг.). [Электронный ресурс]. URL: <http://sib-subethnos.narod.ru/p2005/andreev2.htm>.

ГАОО — Государственный архив Оренбургской области: ф. 1014 — областной исполнительный комитет Оренбургского совета депутатов трудящихся.

ГАПК — Государственный архив Пермского края: ф. 564 — областной исполнительный комитет Пермского совета депутатов трудящихся.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации: ф. 385 — Верховный Совет РСФСР; ф. 7523 — Верховный Совет СССР (1937–1989 гг.).

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 30 августа 1926 г. «О порядке регистрации и наименования вновь возникших поселений» // СУ РСФСР. 1926 г. № 60. ст. 460.

- Керт Г. М.* Топонимия в современном мире // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. С. 48–54.
- Ланно Г. М.* Имена городов. Топонимические размышления геоурбаниста // География. № 22. 24/2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://geo.1september.ru/articlef.php?ID=200402405>.
- Мазур Л. Н., Бродская Л. И.* Эволюция сельских поселений на Среднем Урале в XX веке: опыт динамического анализа / отв. ред. Г. Е. Корнилов. Екатеринбург, 2006.
- Матвеев А. К.* Географические названия Свердловской области. Топонимический словарь. Екатеринбург, 2000.
- Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 января 1965 г. «О порядке наименования и переименования административно-территориальных единиц, населенных пунктов, предприятий, колхозов, учреждений и организаций, улиц и площадей РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 5. С. 114.
- СНМ ПГ — Список населенных мест Пермской губернии. Т. 1–12. Пермь, 1909.
- СНП УО — Список населенных пунктов Уральской области. Т. 3 : Ирбитский округ ; Т. 6 : Кунгурский округ ; Т. 10 : Свердловский округ ; Т. 11 : Тагильский округ ; Т. 14 : Тюменский округ ; Т. 16 : Шадринский округ. Свердловск, 1928.
- Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 10. С. 494.
- Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1968 г. «О порядке присвоения имен государственных и общественных деятелей улицам, площадям и другим составным частям населенных пунктов РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1968. № 5. С. 191.
- Щербатая О. Г.* Сталинская национальная политика. [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/s/sherbataja_o_g/stalinskajanacionalxnajapolitika.shtml.

Рукопись поступила в редакцию 02.03.2011 г.